

Плотная синяя ночная сорочка вся пропиталась потом. На дворе стояла поздняя весна: лишь в полуденные часы бывало чуточку тепло, а с наступлением темноты вновь накатывал холод, словно всё ещё цеплявшийся за зимние дни.

Ци Хуайчжоу поднял руки, уставился на запятнанные кровью ладони и беззвучно рассмеялся. Вот только этот истеричный смех не затрагивал глаз — он походил на безумца, загнанного в угол.

До тех пор, пока из уголков глаз не покатались слёзы. Ему казалось, будто он снова видит своего императора-отца, что защищал ворота столицы и пал вместе со страной; матушку, покончившую с собой рядом с отцом; наложницу, застреленную мятежниками; и бесчисленных невинных воинов Великого Ци, сложивших головы в битвах...

— Молодой господин, молодой господин, — услышав шорох в комнате, тихо позвал через дверь слуга.

Ци Хуайчжоу сжал кулаки, и коротко остриженные ногти впились в ладони. Мелкая, частая боль вырвала его из бесконечных мук прошлой жизни. Сейчас он всё ещё жил в клане Ци, послушным и покорным «щенком» в глазах Ци Сяньчуня. Это место нельзя было назвать безопасным, и всё приходилось обдумывать исподволь, шаг за шагом.

— Я в порядке, заходить не нужно.

Слуга решил, будто молодой господин просто проснулся посреди ночи, и, услышав ответ, послушно лег спать в боковой комнате.

Глоток холодной воды немного прояснил голову Ци Хуайчжоу. Сколько раз он начинал всё сначала, пуская в ход любые средства, но чем бы всё ни заканчивалось — исход неизменно оставался прежним. На этот раз нельзя было позволить всему повториться. Если он оступится и теперь, у него едва ли останется ещё хоть один шанс на перерождение.

В императорском городе Шэнцзин опечаленный до крайности Цзян Ли, угодивший в тело пушечного мяса, тарашил круглые глаза и безуспешно пытался побороть бессонницу.

Для человека, заваленного учёбой и подработками, бессонница — сущая мука. Впрочем, превратившись в маленького дурачка Цзян Ли, похоже, больше не должен был испытывать подобных страданий, ведь его постигла куда более горькая участь.

Ох-ох-ох, сыскался ли на белом свете кто-то несчастнее его? Цзян Ли утёр с лица горькие слёзы.

Ближе к рассвету на Цзян Ли наконец снизошло подобие сонливости. Он ловко укрылся одеяльцем и, ухватившись за это дремотное состояние, вновь встретился в снах с самим старцем Чжоугуном.

Посетовав в компании Чжоугуна на собственную горькую судьбу, Цзян Ли сквозь туманную пелену сна вдруг разглядел закованного в доспехи мужчину с окровавленным мечом в руке, который медленно шёл прямо на него.

Белокурый старец Чжоугун посмотрел на Цзян Ли и неторопливо изрёк:

— Судьба этого человека ещё горше твоей.

В итоге Цзян Ли, и без того лишённый нормального сна, был наглухо разбужен этим кошмаром. Очнувшись, он почувствовал, что из-за недосыпа его веки, кажется, превратились из двойных в тройные.

Как же сильно хочется спать! Цзян Ли попытался подтянуть одеяло, чтобы плотно укутать себя — несчастного, слабого и жалобного, — но в ту же секунду обнаружил, что не только не может натянуть край одеяла, но и вообще не в силах поднять руку.

Шок! Невероятный шок!

Что вообще происходит? В оригинальной книге было сказано лишь то, что этот второсортный персонаж — поддельный наследный престол, слабоумный и болезненный мальчишка, но никто не упоминал, что у этого дурачка ещё и периодически парализует конечности!

Цзян Ли долго возился под одеялом, чувствуя, как от усердия потеет спина, и наконец-то кое-как высунул наружу лохматую голову.

С малых лет у него была дурная привычка — зарываться с головой в постель, невзирая на холод или жару.

Тяжело вздохнув, Цзян Ли поднял взгляд и с изумлением обнаружил нечто странное. Перед глазами мелькнули вовсе не ухоженные, белые и нежные руки прежнего владельца тела, а пара пушистых маленьких лапок.

Словно gros среди ясного неба! Цзян Ли показалось, будто он угодил в бесконечный кошмар, из которого невозможно проснуться: вчера он попал в книгу жанра хайтан в роли пушечного мяса, а сегодня перенёсся в сказочный мир — даже система быстрой смены тел не перемещает так быстро!

Белые кошачьи лапки раздражённо и тревожно скребли по шёлковой подушке. Цзян Ли то закрывал, то открывал глаза, мгновенно смирившись со своей участью: лапы оставались лапами и совершенно не собирались превращаться в человеческие руки.

Раскинувшись на подушке пузатиком, словно изнеженный кот, предавшийся лени, Цзян Ли предавался размышлениям о бренности бытия, как вдруг расслышал знакомый голос — это был вчерашний евнух по имени Шуанси.

Цзян Ли мгновенно свернулся в клубок. Выходило, что он вовсе не переместился дальше и по-прежнему оставался в этом лишённом логики и извращённом мире хайтан. В голове у Цзян Ли вихрем пронеслись самые разные догадки: неужели у этого мелкого персонажа имелось какое-то тайное происхождение? Например, он — заброшенный в мир смертных сынок какого-нибудь могущественного демона или великого бессмертного?

Однако обстановка сейчас накалилась до предела, и чтобы избежать участи быть избитым палками или содранным заживо, Цзян Ли следовало немедленно спрятаться.

Вот только кошачье тельце оказалось до обидного крошечным, а бегство сопровождалось шатанием из стороны в сторону — казалось, он вот-вот шмякнется о землю и расшибётся насмерть.

Наконец, ровно в тот момент, когда Шуанси переступил порог покоев, Цзян Ли заметил чуть приоткрытую створку окна. Розовые кошачьи лапки отчаянно оттолкнулись от пола, вложив в прыжок все силы, и он наконец взлетел на подоконник.

Не удержав равновесие, котёнок качнулся, завалился набок и помимо своей воли полетел вниз с подоконника.

Конец, мысль мелькнула в голове Цзян Ли, сегодняшней его жизни, похоже, приходит конец.

Шуанси, следуя привычному распорядку пробуждения высочества, сначала постучал в дверь и дважды позвал его, а затем шагнул в спальню.

— Вашему высочеству пора вставать, сегодняшний утренний завтрак состоит из ваших любимых блюд, — мягко и ласково приговаривал Шуанси, одновременно расставляя на деревянной подставке утварь для умывания. Окунув мягкое полотенце в теплую воду и отжав его, он подошёл к большой кровати, окруженной многослойными тонкими марлевыми пологами.

Раздвинув слои тончайшей марли, Шуанси замер: на огромном ложе постель была слегка растрепана, но самого наследного принца там не оказалось. Глаза слуги округлились от ужаса, влажное полотенце выскользнуло из рук и шмякнулось на пол. Забыв о нём, Шуанси испуганно метнулся назад, намереваясь разыскать пропавшего наследника.

Хотя высочеству уже исполнилось восемнадцать, из-за слабоумия он сохранял детскую наивность и чистоту. В обычные дни Шуанси не смел выпускать принца из поля зрения, смертельно боясь упустить момент и допустить беду.

В этот самый момент в покои неторопливо вошел седовласый старец в синих даосских одеждах, столкнувшись нос к носу с метавшимся в панике Шуанси.

— Не нужно искать. У наследного принца сегодня занятия, его уже забрали ученики и отвели в Даосский храм Цинъян.

Старец с копной седых волос говорил неторопливо, сочетая мягкость с заметным внутренним величием.

Шуанси торопливо согнулся в поклоне:

— Государственный наставник, но ведь высочество ещё ничего не е... — он не успел договорить, как заметил прижатого к груди старика белоснежного кота.

Кот с прекрасными чистыми глазами разного цвета лениво царапал мягкой розовой лапкой рукав старца.

Старец поднял руку и ласково погладил растрёпанную макушку котёнка:

— Сегодня наследный принц заночует в Даосский храм Цинъян, я сам пошлю людей известить дворец. Твоя задача — завтра до полудня прибыть в Даосский храм Цинъян и забрать его.

Шуанси хоть и недоумевал, но послушно кивнул.

Прижавшийся к груди старика и успевший за полдня подремать Цзян Ли наконец полностью пришёл в себя. Оперевшись лапками о предплечье старца и глядя на мир под совершенно непривычным углом, он на мгновение ощутил странное новизну.

Старец то и дело рассеянно гладил непослушную голову котёнка, и на лице этого обычно сурового и строгого человека проступало едва заметное выражение балующей нежности.

Шуанси удивился такому зрелищу, но в следующую секунду встретился взглядом с огромными влажными глазами комочка и машинально расплылся в улыбке.

Сюань Цзицзы донёс непоседливого кота до своей комнаты и бережно опустил пушистика на круглый соломенный фuton.

Цзян Ли окончательно проснулся. Вообще-то он собирался сигануть с того подоконника, но оконный проем оказался слишком высоко, а равновесие — потерянным. Думая, что на этом его земной путь оборвётся, в момент падения он был полон диковинных мыслей: мол, в прошлой жизни он был человеком, а умер — маленьким котёнком; интересно, как отнесется к нему в зале Суда уважаемый и великий владыка Яньло — станет ли судить как человека или как кота?

Пока он предавался безумным фантазиям, его поймали в объятия, пахнувшие густым ароматом сандала. Цзян Ли растерялся, а густой запах ударил в нос так резко, что ему нестерпимо захотелось чихнуть.

Кошачьей лапкой поткнув только что чихнувший нос, Цзян Ли украдкой поднял голову, разглядывая спасшего его даоса.

Глядя на развевающиеся серебристые волосы и источающий бессмертное сияние облик старика, Цзян Ли резонно заподозрил, что перед ним тот самый легендарный небожитель, способный вознестись. В конце концов, раз уж он сам сумел переместиться во времени, превратившись из человека в кота, разве оставалось что-то невозможного?

Однако... Цзян Ли внезапно замер. Сейчас он, пожалуй, был мелким кошачьим демоном, выдающим себя за наследника Великого Ци, а сидевший перед ним старец — судя по всему, Государственный наставник этого государства.

— Жизнь моя кончена, — обречённо пробормотал котёнок, обхватив голову двумя пушистыми лапками, но из-за несоответствия крупной головы и крошечного тела тут же завалился на футоне лапами кверху.

Сюань Цзицзы, сидевший поодаль, скрестив ноги на циновке, оставался неподвижен, словно собрался немедленно уйти в нирвану. Пережив великие муки, Цзян Ли кое-как перевернулся обратно и воровато ткнул лапкой в колено старика.

Ощувив тепло живого тела, Цзян Ли облегченно выдохнул: похоже, спасший его старик пока не собирался превращаться в бессмертного духа.

Посидев на футоне и поразмыслив пару мгновений, он озарился догадкой: старик просто уснул. Раньше, когда он жил в съёмной квартире, ему доводилось видеть греющихся на солнышке стариков — те клевали носом точно так же, как этот дед.

Раз уж пойманный даосом «кот-демон» получил шанс, когда же сбегать, как не сейчас? Цзян Ли украдкой приподнял кошачью лапу и стал шаг за шагом пятиться назад, не сводя влажных разноцветных глаз со «спящего» старика — на случай, если тот решит пробудиться как раз тогда, когда беглец попытается ускользнуть.

Дверь не была заперта до конца, и Цзян Ли с несказанным облегчением протиснулся в щель, словно кусок фруктового желе.

Прибыв сюда, он находился в полубессознательном состоянии на руках у старика, а оказавшись снаружи, уставился на невероятно просторный внутренний двор и на мгновение полностью потерял ориентацию.

Куда теперь податься? Заядлый топографический кретин растерялся окончательно, к тому же оставаясь котёнком, которому, судя по всему, едва ли исполнился месяц.

Из двух вариантов выбирай правый! Положившись на многолетний опыт беспросветного плутания по улицам, Цзян Ли решительно тряхнул хвостиком и зашатался вправо, совсем забыв, что раньше при неверном повороте его выручал навигатор в смартфоне, теперь же у него не было не то что гаджета, но даже малейшего намёка на карту.

В результате неустанных стараний Цзян Ли успешно умотал себя до головокружения. Сквозь шум в ушах слышался чей-то приближающийся топот, и он, вздрогнув от испуга, стремглав нырнул в первую попавшуюся комнату.

— Старший брат, Му Шэн, умоляю тебя, выручи меня в последний раз! Клянусь, в следующий раз на утреннем уроке я больше не усну!

— От тебя в этом месяце уже не осталось никакого доверия. Подумай сам, сколько раз ты мне это обещал?

— Ох-ох-ох, братец Му Шэн, милый братец, помоги же мне!

— Ха-ха-ха, Му Ин, пеняй на себя! Младший дядя только что чётко сказал: старшему брату Му Шэну строго-настрого запрещено помогать тебе переписывать трактаты.

— Да вы просто сборище доносчиков!

— Ха-ха-ха, Му Ин, беги скорее за работу, кто просил тебя в прошлый раз самого настучать младшему дяде?

Группа юных даосов, переговариваясь и посмеиваясь, прошествовала мимо дверей комнаты. Прятавшийся за дверью Цзян Ли уже решил, что они удалились, и приготовился выскользнуть наружу, как вдруг кто-то толкнул створку снаружи.

Скрипнув, дверь распахнулась, входящий шагнул внутрь и, развернувшись, затворил её за собой. Всё шёрстки на теле Цзян Ли от напряжения встали дыбом, превратившись в огромный снежно-белый шар.

В ту секунду, когда он попытался тихонько упорхнуть, чья-то рука подхватила его на лету:

— Откуда тут этот котёнок? До чего же хорош.